

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
 Л. Виола (*Lynn Viola*),
 А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
 А. А. Дроздов,
 Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
 В. П. Лукин,
 С. В. Мироненко,
 Ю. С. Пивоваров,
 А. Б. Рогинский,
 Р. Сервис (*Robert Service*),
 Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
 А. К. Сорокин,
 Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
 М. А. Федотов,
 О. В. Хлевнюк

**ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА:
 ЖИЗНЬ В ТЕРРОРЕ.
 СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
 РЕПРЕССИЙ**

ДЕБАТЫ

**МАТЕРИАЛЫ
 МЕЖДУНАРОДНОЙ
 НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
 18-20 ОКТЯБРЯ 2012 г.**

Оргкомитет конференции:

*Даниил Гранин (почетный председатель),
 Александр Дроздов, Евгений Волк, Юлия Кантор,
 Александр Кобак, Владимир Лукин, Сергей Мироненко,
 Михаил Пиотровский, Арсений Рогинский, Андрей Сорокин,
 Михаил Федотов, Олег Хлевнюк*

Москва
 2013

Л. Д. Гудков

АМНЕЗИЯ ИЛИ СТЕРИЛИЗАЦИЯ БОЛЬНОГО ПРОШЛОГО? ОБРАЗ СТАЛИНИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ

Социологические исследования массовой исторической памяти, которые ведутся в Левада-центре на протяжении уже четверти века, показывают крайне неоднозначную картину произошедших за это время изменений: одновременно с углублением исторических знаний о недавнем прошлом и появлением более сложных интерпретаций нового материала, характерном для немногочисленных интеллектуалов, ученых и правозащитников, становится заметным процесс сокращения и тривиализации массовых представлений о недавней советской истории. Анализ данных опросов общественного мнения позволяет говорить о резком сокращении в структуре источников исторической «памяти» (и передачи представлений о прошлом от поколения к поколению) удельного веса как непосредственных свидетельств и рассказов о прошлом (что связано с демографическим уходом поколения советских людей), так и уменьшением доли литературы (как художественной, так и публицистики или научно-популярной), критически перерабатывающих и осмысляющих исторический материал, дающих им социальную или моральную оценку. Напротив, растет объем знаний о советском времени, полученных из телевизионных передач, каналов массовой культуры (тонких иллюстрированных журналов, беллетризованной поппсы, авантюрных романов и т. п.). Подобные изменения сказываются на интеллектуальном качестве, глубине и характере проработки и рецепции знаний и представлений о прошлом.

Речь идет не просто о клишировании исторических интерпретаций (редукция фактического знания к устойчивым стереотипам является «нормальным» следствием переработки потока материалов массовым сознанием, результатом работы таких институтов, как СМИ и средняя школа), но об их банализации или, как сейчас все чаще говорят, гламуризации, подведения событий под стандарты поверхностной конспирологической или мелодраматической интерпретации, характерной для телевизионных сериалов и дамских иллюстрированных журналов. Банализация истории – представление прошлого с точки

зрения условного «маленького человека», попавшего в перипетии репрессий, войны, катаклизмов XX века, но препарированное по законам жанров советской массовой, формульной литературы и кино – не означает свободы от идеологических схем советского агитпропа. Последние включены в организацию подачи материала (имитации документальной хроники, мнений исторических персонажей, закадрового голоса и т. п. техники латентного внушения общих оценок и рамок интерпретации). Преднамеренная тривиализация понимания событий прошлого – это не случайный эффект недомыслия производителей массовых представлений, а результат последовательной переработки гуманистических достижений предшествующей интеллигентской культуры (военной или «лейтенантской», деревенской прозы, лагерной литературы, кино 1960–70-х гг.), противостоявшей идеологии секретарской партийной литературы и великодержавного, милитаристского пафоса романов-эпопей или киноэпопей брежневского времени с их сознательным героем – преданным партии коммунистом, рабочим, солдатом, способным выдать из себя лишь один вопрос некому конкретно: «За что?» Эффект снижения ценностного потенциала этой продукции о советском времени достигался за счет умолчания или вытеснения на задний план всей проблематики институционального насилия, практики тотального контроля в «партии-государстве», идеологического принуждения, политики искусственной бедности, террора и следующих из этого моральной деградации людей. «Маленький человек» – патриот и добродетельный гражданин своей страны – в подобной картине сталинского времени, представленной в сегодняшних многочисленных ТВ-сериалах, передачах или публицистических произведениях¹, оказывался в атмосфере иррационального страха, становился жертвой козней или интриг, инициированных отдельными «плохими» людьми (начальниками, чекистами, соседями, преследующими свои частные интересы), но не образующими целостность советской системы. Лишенный собственной воли и горизонта понимания происходящего такой персонаж защищает себя и своих близких, стремясь выжить в этой обезличенной атмосфере беспричинного ужаса и угроз, исходящих отовсюду. Этот крайне важный эффект – пассивно-страдательное отношение к прошлому, представление о бессубъектности истории (а значит, о такой жизни, в которой нельзя найти ответственных за проводимую поли-

¹ Рамки доклада не позволяют обозреть весь тематический диапазон «исторической продукции» такого рода; я имею в виду прежде всего сериалы, ежедневно идущие по центральным каналам ТВ и определяющие информационное поле как минимум 75–80 % населения России (в числе самых последних такие телефильмы, как «В круге первом», «Московский дворик», «Блокада», «Жизнь и судьба», и пр., биографические передачи о выдающихся людях того времени, например о Н. Вавилове, В. Шаламове и т. п.).

тику, включая те или иные преступления), производимый нынешней продукцией фабрик массовых смыслов – является не просто проекцией на прошлое восприятия самих себя у сегодняшних россиян, но и определяет их отношение к нынешней власти и к своему собственному настоящему. Скрепляет и цементирует все происходящее идея «народа», органического национального целого, существование которого постулируется как более значимая вещь, нежели ценности отдельной человеческой жизни.

Правильнее было бы назвать эти перемены «вытеснением истории», замещением исторических фактов и знаний традиционалистскими суррогатами истории, иногда сочетающими идеологические стереотипы советской пропаганды с новыми имперскими, православными или националистическими мифами.

Недолгий период критики советской системы, связанный с перестройкой и переоценкой прошлого, на какой-то момент парализовал действие всей системы коммунистического обучения и пропаганды, открыв для СМИ возможность ознакомления широкой публики с ранее закрытыми материалами о характере и особенностях функционирования тоталитарного режима, масштабах репрессий, их направленности и цене, которую общество заплатило за превращение России в социалистическую «супердержаву». Но очень скоро, уже в середине 1990-х гг., кризис коллективной идентичности, вызванный начавшимися институциональными реформами и снижением жизненного уровня, обернулся массовой фрустрацией, хроническим состоянием и дезориентированностью, что в свою очередь вызвало консервативную реакцию и массовую потребность в разного рода компенсаторных и защитных мифах, замещающих травмирующее знание о действительном положении советского общества и его прошлом.

Опросы общественного мнения довольно рано поймали начинающееся сопротивление усилиям по рационализации, критике и анализу национального прошлого, нежелание слышать что-либо о сталинских репрессиях, уклонение от потока фактических материалов о ГУЛАГе, практике террора и обстоятельствах реальной жизни основной массы населения в 20–60-е гг. прошлого века. Уже в 1990 г. 62 % опрошенных заявили о том, что пресса, ТВ уделяют «критике сталинизма» и «разоблачению преступлений Сталина» слишком много внимания, эта проблематика явно надоедала. В СМИ и выступлениях политиков отчетливо прозвучало: хватит очернять наше славное прошлое! И, по существу, эти мотивы никуда не уходили, оставаясь действенными инструментами дискредитации сторонников реформ и либералов. Мотив «хватит чернухи» сопровождался очевидным и измеримым усилением спроса на развлекательную продукцию советского агитпропа, прежде всего различные версии кинолубка – комедий или сентиментально-исторических эпопей вроде «Вечный зов» и т. п.

Образ сталинизма в современном массовом сознании соединил два пласта значений: иррационального ужаса (плоскость частного

существования, с которым идентифицирует себя обычный человек) и мифологического плана – коллективного героического существования, модус представления о мобилизационном обществе, где значения и ценность отдельной жизни определяются шкалой энтузиазма, самопожертвования и сознательного «аскетизма». Но это соединение не прямое, не линейное. Сохранение героизации или мифологизации сталинской эпохи сопровождается одновременно отношением к ней как давно прошедшей и окончательно закончившейся эпохи, а потому не требующей от современного обывателя идентификации с ней. Фактически это способ отделить себя от прошлого и его моральных оценок, с одной стороны, а с другой – уход от необходимости осмысления и рационализации истории. Страх перед историей, бессознательно предполагающий запрет переноса отношений того времени на настоящее, вытекающий из подспудного понимания, что обыватель сегодня точно так же оказывается незащищенным перед произволом власти, как и тогда, неконтролируемость обстоятельств собственной жизни и ее благополучия оборачивается желанием ничего не знать о том времени.

Самым очевидным образом этот процесс вытеснения прошлого и отказ от знания ее может быть прослежен на примере отношения к Сталину и продавливаемого властями возвращения сталинского мифа.

Имя Сталина может служить индикатором значимости символических ресурсов в постсоветских странах или показателем инерции идеологических институтов советского времени, продолжающих свою работу уже в новых условиях. Существование сталинской мифологемы через 60 лет после смерти диктатора объяснимо, с одной стороны, тем, что сохраняется запрос различных элит на представление о самодостаточной и суверенной власти, а с другой – адаптацией образа Сталина к вызовам времени, то есть интересам режима в персоналистском мифе, легитимирующем и оправдывающем политику подавления представительства групповых интересов, идей самоорганизации общества, свободы человека и неотчуждаемости его прав. Сила подобного мифа измеряется его способностью присоединять к основной схеме «гениального вождя и учителя», разработанной в 30–50-е гг. XX века, новые представления и пропагандистские клише: от ностальгического образа генералиссимуса – победителя в войне с Германией или лидера мировой коммунистической державы до символа национального превосходства (русских и других национальных общностей), образца государственного «эффективного менеджера», обеспечившего форсированную модернизацию отсталой страны. Главное, что смысловая доминанта интерпретации (или, соответственно, навязываемого пропагандой массового восприятия) Сталина остается прежней: абсолютная власть диктатора, не подлежащая какому-либо контролю или ограничению со стороны общества, которое при этом мыслится пассивным, зависимым от этой власти, направляемым его волей и интересами.

В 1989 г. в одном из первых массовых репрезентативных опросов в СССР в списке «самых выдающихся людей, общественных и культурных деятелей, оказавших наиболее значительное влияние на мировую историю», имя Сталина в России назвали всего 12 % опрошенных (11-е место в списке, включавшем больше сотни различных деятелей; по общесоюзной выборке – 15 %)². Через 23 года Сталин впервые за все время опросов общественного мнения занял в этом ряду ведущую позицию (его назвали 42 % опрошенных, оттеснив Ленина, Маркса, Петра I, Горбачева, Пушкина, Энгельса, Гагарина, Ломоносова, Жукова и др.). Такой поворот дел тем более поражает, что в конце 1990 г. очень мало кто в России думал, что Сталин останется в ее истории в каком-нибудь ином контексте, кроме описаний массового террора, коллективизации, голода, военной катастрофы 1941 г., борьбы с космополитами и т. п.

Следует указать на несколько обстоятельств, важных для понимания произошедших изменений в общественном мнении.

1. За последнюю четверть века в России трижды менялся политический режим (в 1990–1991, 1992–1993 и в 1999–2003 гг.). Реорганизация власти требовала каждый раз смены ее легитимации и направленности государственной пропаганды. Особенно радикальные перемены произошли после утверждения в Кремле чекистской команды В. Путина; курс на вестернизацию и интеграцию с Европой сменился идеологией изоляционизма и консервативной самодостаточности;

2. С распадом СССР и крахом советской системы разрушилась вся система организации культуры. Центральное место в этой институциональной системе занимала советская интеллигенция с ее двусмысленным отношением к власти (обслуживанием режима и критикой «отдельных перегибов» и административных злоупотреблений, но никогда не переходящая в критику и анализ тоталитарной системы в целом); фрондирующая часть интеллигенции считала себя, и отчасти действительно была, хранителем традиций и ценностей гуманизма и просвещения, что позволяло ей вести имманентную критику сталинизма, хотя и в очень умеренных дозах. Формирование этой разновидности репродуктивной (гуманитарной) бюрократии, занятой массовым образованием и подготовкой кадров для аппарата управления, цензурой и культурным воспроизводством, относится преимущественно к послевоенному, послесталинскому времени. Осмысление опыта Второй мировой войны и массовых репрессий 1937 г. наложило отпечаток на характер ее самоидентификации. Ее влияние было обеспечено советской журнальной системой, связы-

² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 283.

вающей столицу или научную среду с периферией, что позволяло провинциальным учителям и библиотекарям транслировать исторические оценки и интерпретации в практику школьного преподавания и, таким образом, оказывать определенное воздействие на социализацию нового поколения. Фактически именно это время дало поколение (единственное в новейшей истории России), получившее зачатки исторического видения прошлого³.

3. Начиная с середины 2000-х гг. в России наблюдается совершенно новое явление: формируется «общество потребления», для которого характерны установки на потребительский гедонизм, короткий горизонт восприятия и оценки происходящего (значимость только «здесь и теперь»), демонстративное потребление как основа социальной стратификации и самоидентификации, ориентации на престижные потребительские группы, а не на моральные, религиозные, культурные или научные авторитеты. Общество потребления не тождественно «обществу благоденствия», люди в массе своей не становятся богаче, они живут не сильно лучше, чем раньше, однако из-за изменения ценностей меняются отношения между людьми, общество оказывается более прагматичным, циничным и равнодушным. На место демонстративного стремления к «культуре» в 1950–1970-х гг. приходит столь же демонстративный гламур и утрированно аффективная массовая культура с ее приоритетами развлечений и легкости жизни. Для ее потребителей проблемы травмирующего прошлого оказываются не просто лишними, но и невыносимыми. Главным каналом распространения подобных представлений становится государственное телевидение, играющее роль организатора государственных церемониалов (в ходе которых воспроизводятся новые мифы как возрождение «прежних традиций») и массовика-затейника, превращающего острые социальные и моральные проблемы в предмет шоу и стеба, а также поставщика сериалов, имитирующих реальность.

Перелом в общественном отношении к Сталину наступил с приходом к власти Путина и установлением в России авторитарного

³ Для понимания масштабов этого влияния укажу лишь на то, что перед самой перестройкой тиражи толстых центральных журналов ежемесячно составляли от 160 до 360 тысяч экз., а на пике перестройки лидер этих изданий – «Новый мир» – имел 3,5 млн экз., после 1992 г. тиражи упали до 5–8 тысяч экз. Та же картина и с динамикой аудитории кино, с книгоиздательской деятельностью и с распространением книг (общие тиражи, а значит, и читательская аудитория сократилась в 4–5 раз, число кинозрителей – в 30 раз). Сегодня 70–80 % всех новых книг издаются и расходятся в крупнейших городах, разрыв между мегаполисами и провинцией, в которой проживает большая часть населения, драматически усиливается, а дефицит информации и интерпретаций («пищи для ума») компенсируется за счет телесмотрения, а значит, и более мощно влияния кремлевской пропаганды.

режима. Масштабная программа консервативной реидеологизации общества, развертывающаяся сразу после прихода Путина к власти, достигла своей кульминации во время подготовки к празднованию 60-летия Победы над Германией. Реабилитация Сталина носила осторожный и двусмысленный характер: не отрицая самого факта массовых репрессий и преступлений сталинского режима, путинские политтехнологи старались отодвинуть эти обстоятельства на задний план, всячески подчеркивая заслуги Сталина как полководца и государственного деятеля, обеспечивавшего модернизацию страны и превращение ее в одну из двух мировых супердержав. Признанием эффективности пропаганды можно считать, что уже в 2003 г. большая часть респондентов давала позитивные оценки роли Сталина в истории (см. табл. 1). Малое число тех, кто сохраняет выражено негативную, потенциально моральную оценку диктатора, и составляет важнейшую проблему социологического анализа российского общества и возможностей его трансформации.

Таблица 1

Как бы Вы оценили роль Сталина в истории/жизни нашей страны?

	1994**	2003	2006	2008	2009	2010	2011
В целом позитивно*	27	53	42	42	49	51	45
В целом негативно*	47	33	37	37	33	30	35
Затруднились ответить	19	14	21	21	18	19	20
Число опрошенных	3000	1600	1600	1600	1600	1600	1600

* Сумма ответов «безусловно положительную» + «скорее положительную» и «скорее отрицательную» + «безусловно отрицательную».

** В опросе 1994 г. была использована иная шкала; помимо уже приведенных вариантов ответа вводилась подсказка «незначительная роль», которую выбрали 5 % опрошенных.

Таблица 2

С какой оценкой сталинского периода в истории нашей страны вы бы скорее согласились?

	1994	1999	2003	2008	2012
Больше хорошего, чем плохого	16	26	29	25	27
Больше плохого, чем хорошего	60	48	47	44	42
Не принесло ничего особенного	4	4	4	6	5
Затрудняюсь ответить	20	22	21	25	25
Хорошее/плохое	0.27	0.54	0.62	0.57	0.64

Как Вы в целом относитесь к И. Сталину?

Таблица 3

	Апрель 2001	Апрель 2006	Сентябрь 2008	Февраль 2010	Октябрь 2012*
С восхищением	4	5	1	2	1
С уважением	27	23	22	23	21
С симпатией	7	8	8	7	6
Безразлично, равнодушно, меня это не интересует	12	19	37	38	33
С неприязнью, раздражением	18	18	11	12	12
Со страхом	16	15	7	7	7
С отвращением, ненавистью	9	5	4	5	4
Затруднились ответить	6	8	10	6	11

* В опросе 2012 г. были введены опции «не знаю, кто такой Сталин» (1 %) и «отказ от ответа» (5 %), несколько изменившие вес «индифферентных ответов», что повлияло на соотношение других вариантов ответов респондентов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что реакция населения на усилия кремлевской пропаганды вернуть Сталина в публичное пространство оказалась весьма парадоксальной: за 20 лет отношение к нему поменяло знак с резко негативной оценки до признания «положительной в целом» его роли в истории страны. За десять лет путинского правления снизилось как число тех, кто позитивно, по меньшей мере с уважением, относился к Сталину (с 38 до 31 %), так и тех, кто относился к нему «с отвращением, ненавистью и страхом» (с 43 до 24 %). Возобладало, вопреки ожиданиям, равнодушие к самой проблеме: доля индифферентных выросла с 12 % в 2000 г. до 44 % в 2008 г., причем среди молодежи, на которую собственно и были направлены усилия путинских политтехнологов и пропагандистов, такие ответы стали доминирующими – 59 %. Тот же характер распределений мнений подтвердил и самый последний опрос на эту тему, проведенный в сентябре 2012 г.

Если посмотреть, среди каких социальных групп имя Сталина вызывает уважение, то мы увидим, что, хотя различия не слишком велики, они есть: среди молодежи в целом, среди образованных и городских жителей – поклонников Сталина или тех, кто разделяет «сталинский миф», несколько меньше, чем среди пожилых и малообразованных россиян, особенно сельского населения или населения малых городов (см. табл. 4).

Таблица 4

В какой мере вы согласны с суждениями: 1) «Сталин – мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию»; 2) «Сталин – жестокий и бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей» (2011 г.)

	Мудрый руководитель			Жестокий тиран		
	согласны	не согласны	затруднились ответить	согласны	не согласны	затруднились ответить
В среднем	50	37	14	68	19	13
<i>Пол</i>						
Мужчины	52	35	14	65	21	14
Женщины	48	39	13	70	17	13
<i>Возраст</i>						
18–24 года	38	41	21	64	16	21
25–39	44	41	14	72	16	12
40–54	48	40	11	74	16	11
55 лет +	61	27	11	60	27	14
<i>Образование</i>						
Высшее	45	43	13	71	19	11
Среднее общее	46	41	14	70	16	13
Неполное среднее, начальное	60	28	13	63	23	15
<i>Тип поселения</i>						
Москва	46	44	9	76	14	10
Большой город (свыше 500 тысяч человек)	44	44	12	71	19	10
Средний город	43	41	16	65	18	17
Малый город (до 250 тысяч)	52	33	15	71	15	15
Село	59	29	12	62	26	12
<i>Семейный доход</i>						
Высокий	45	43	12	74	14	11
Средне-высокий	45	40	15	69	18	14
Средне-низкий	54	35	11	65	23	12
Низкий	59	31	11	64	24	12
Затруднились ответить	49	32	19	63	18	19

Увеличение числа россиян, позитивно оценивающих заслуги Сталина, не означает роста человеческих симпатий к нему или реставрации тоталитарных установок, хотя соблазн таких интерпретаций велик. Оценки сталинизма и сталинской эпохи дwoятся: «историческая роль» Сталина стала котироваться в общественном мнении выше, а

восприятие того времени, помеченного его именем, сохраняет негативные коннотации, хотя и все с меньшей силой.

Сама эта двойственность, кажущаяся алогичной, не случайна. Как показывает анализ данных, одни и те же люди говорят, что «Сталин – тиран, виновный в смерти миллионов людей» и что «только под его руководством СССР превратился в могущественную и процветающую державу»; что «политика Сталина привела к разгрому военных кадров и неготовности страны к войне» и что «только под руководством Сталина наш народ вышел победителем в этой войне» (см. табл. 5). Подобное, многократно повторяющееся в социологических исследованиях массового сознания соединение не просто разных, а «несовместимых» мнений указывает, что это не социологический артефакт или ошибка методики опросов, не «шизофрения массового сознания», каковой часто его готовы считать многие наблюдатели, а действие специфических механизмов «дwoемыслия», определяющих тоталитарное и в меньшей степени посттоталитарное сознание.

Таблица 5
В какой мере Вы согласны с приведенными суждениями (2008 г., октябрь), в % по строке

Суждения:	Полностью согласен / скорее согласен	Скорее не согласен / совершенно не согласен	Затруднились ответить
1. И. Сталин – мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию	50	37	14
2. И. Сталин – жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей	68	15	13
3. Какие бы ошибки и пороки ни приписывались И. Сталину, самое важное, что под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной войне	68	16	13
4. Политика И. Сталина (разгром военных кадров, сговор с Гитлером) привела к тому, что страна оказалась неподготовленной к войне	58	22	20
5. Только жесткий правитель мог поддерживать порядок в государстве в условиях острой классовой борьбы, внешней угрозы	56	26	18
6. Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как И. Сталин, который придет и наведет порядок	34	50	17
7. И. Сталина злобно поносят люди, которым чужды интересы русского народа и нашего государства	32	42	26
8. Мы еще не знаем всей правды о И. Сталине и его действиях	68	14	19

Амбивалентность массовых установок функциональна, она указывает на *неразрывность сочетания национального величия с насилием*, образующих характерную травматическую структуру коллективной идентичности постсоветского сознания. Одно не может быть выражено без другого. Соединение насилия и символов коллективных ценностей, единства, престижа, славы образует то, что называется «фасцинацией зла», обаянием или притягательностью государственной истории, величия империи или сакрализацией державной власти. Значимость подобных структур коллективного сознания объясняет слабость потенциала гражданской солидарности (девальвации частных интересов, их стерилизацию ввиду «величия» национального целого, монополюльно представляемого властями), что парализует возможности политических изменений в России.

На вопрос (август 2009 г.): «Как Вы считаете, на ком прежде всего лежит ответственность за репрессии и потери нашей страны в 30-х – начале 50-х гг. XX века?» – 19 % ответили на Сталине и ровно столько же – «на государственной системе», но относительное большинство (41 %) не склонно разделять эти понятия и ответственность, объединяя Сталина и государство в одно целое (6 % считали виновными «врагов нашей страны» или называли еще какие-то другие причины, 15 % затруднились с ответом). Такая картина массовых воззрений соответствует персоналистскому представлению об истории и социальной организации авторитарного социума, подтверждая вывод о слабой дифференциации социальной системы в новейшей России.

Явный эффект пропаганды Сталина («расползание» на поверхности массового сознания этого пропагандистского пятна) сопровождается эрозией самого сталинского мифа о всемогущем диктаторе. Большая часть россиян не принимает такой модели национального правителя (50 и 42 %, см. пункты 6 и 7 в табл. 5), но, не имея достаточных ресурсов для сопротивления государственной точке зрения, закрываются от болезненности самой проблемы собственной моральной несостоятельности, невозможности собственной моральной оценки прошлого и уходят в комфортную позицию «мы еще не знаем всей правды о И. Сталине и его действиях»; ее выбирают абсолютное большинство опрошенных – 68 %; к ним следует добавить еще 19 % «затруднившихся с ответом», итого – 87 %. Иначе говоря, это практически всеобщая реакция на травму национального сознания. Очень немногие россияне готовы следовать старой идеологической версии КПСС, сложившейся к XX съезду и подававших репрессии 1920–1950-х гг. как историческую неизбежность в условиях враждебного окружения СССР или следствие остроты «классовой борьбы». Сегодня большая часть опрошенных склонна расценивать их как политическое преступление, не подлежащее оправданию.

Таблица 6

Как Вы думаете, оправданы ли жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайшие сроки? (N = 1600, в % к числу опрошенных)

	Октябрь 2008	Август 2010	Апрель 2011	Ноябрь 2012*
Определенно да	3	5	4	4
В какой-то мере да	24	29	26	21
Нет, их ничем нельзя оправдать	60	58	61	60
Затрудняюсь ответить	13	9	10	7

* В этом опросе была введена опция «отказ от ответа», которую выбрали 8 % респондентов; эту группу можно с некоторой осторожностью или натяжкой сопоставить с вариантами ответа «в какой-то мере да» и с «затрудняюсь ответить», то есть рассматривать как мягкое уклонение от категорического выбора «да».

Таблица 7

С каким из следующих мнений по поводу этих репрессий Вы бы скорее согласились? (N = 1600, в % к числу опрошенных)

	2007	2011	2012
Это была политическая необходимость, они исторически оправданы	9	14	13
Это было политическое преступление и ему не может быть оправдания	72	70	66
Затрудняюсь ответить	19	16	21

Однако, несмотря на понимание бесчеловечного характера политики Сталина, основная масса населения России все равно не решает-ся принять саму идею суда над Сталиным как носителем высшей власти, то есть признать персональную и правовую вину *руководителя государства* (а не частного, хотя и очень влиятельного человека), требующую юридической и моральной ответственности. В августе 2009 г. социологи Левада-центра задали вопрос: «Учитывая масштаб репрессий в сталинскую эпоху, согласны ли Вы, что руководителя страны Иосифа Сталина следует считать государственным преступником?» «Согласны», – ответили 38 %, были не согласны с этой оценкой 44 % («в целом не могу так сказать» – 32 % + «совершенно не согласен» – 12 %; затруднились ответить – 18 %). Иначе говоря, 62 % россиян отказались от признания необходимости дать государственно-правовую оценку сталинскому (= советскому) режиму.

Большинство россиян не хотят ни возвращения культа Сталина, ни даже его частичной реабилитации; они против восстановления его памятников, снесенных при Хрущеве, и тем более против установления новых монументов в его честь, которые предлагали возвести некоторые депутаты Госдумы к 65-летию Победы над Германией. Столь же недвусмысленно большая часть респондентов (54–59 % на протя-

жении десятилетия 2001–2010 гг.) высказывались против возвращения Волгограду старого названия Сталинград, несмотря на весь героический ореол Сталинградского сражения⁴. Глубоко укорененный страх, который вызывает та эпоха, и затаенная антипатия к этому персонажу проявляется, среди прочего, и в откровенном нежелании жить при Сталине или подобном ему диктаторе (74 % опрошенных в 2008 и 67 % в 2012 г.).

Однако символический статус Сталина и его связь со структурой государственного мифа блокирует возможности и усилия по рационализации советской истории и реальной роли тоталитарной партии и государства, вызывает стойкое сопротивление против попыток люстрации или какого-то варианта Нюрнбергского трибунала над организаторами террора и политики репрессий в СССР. Дефицит коллективных ценностей, моральных и символических ресурсов в новой России заставляет авторитарный режим искать источники своей легитимности в обращении к любым формам «патриотизма» и «национальных традиций» – от православия до строительства коммунизма, от легенды изгнания поляков из Москвы в 1612 г. до победы над Наполеоном. В этом ряду фигура Сталина оказывается неразрывно связанной с национальной гордостью, что, собственно, и заставляет чиновников вводить его в школьную программу, несмотря на все противоречия, связанные с «темными местами» сталинского правления. И это принимается большей частью населения. Как показывают опросы (2009 г.), лишь 28 % взрослых россиян считают, что задачами преподавания истории в школе должно быть донесение до молодежи истории без украшений, упрощений и умолчания, осознание ими самого смысла понятия «историческая правда» и его необходимости; 43 % опрошенных полагают, что изложение исторических фактов должно соединяться с патриотическим воспитанием, работать на него; а 17 % видит в истории лишь набор примеров для национальной гордости, средство национально-патриотического воспитания (прочие – 12 % – затруднились ответить на эти вопросы). Поэтому вряд ли могут удивлять цифры соответствующих исследований, говорящих о том, что 39 % россиян очень гордятся отечественной историей и еще 41 % испытывают национальную гордость, хоть и не всегда или не в полной мере, но все же время от времени гордятся российским прошлым; иные, негативные чувства (преимущественно стыда) пробуждаются в этой связи у 16 %.

⁴ Аналогичное распределение мнений зафиксировано и в опросе октября 2012 г.: за установление в центре Москвы монумента Сталина высказались 23 % опрошенных россиян, против – 56 % (остальные затруднились с ответом или не имеют на этот счет собственного мнения); за переименование Волгограда соответственно 18 против 60 %.

Именно подобное амбивалентное отношение к Сталину нейтрализует и «обезвреживает» критику Сталина, идущую еще от доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Самая простая тактика в этом роде – опорочить, дисквалифицировать либо сами обвинения, либо обвиняющих. Но успешно она действовала лишь на незначительные по масштабу группы убежденных сталинистов, в основном пенсионеров, как правило, бывших партийных активистов или бюрократов. С тем, что сталинские репрессии – это «выдумка, имеющая целью опорочить великого вождя», согласились лишь 5 % в 2007 г. Но на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что масштабы репрессий во времена Сталина сильно преувеличены?» – утвердительно отвечали уже около трети всех опрошенных (29 % в июле 1996 г.), хотя не соглашалось с этим мнением заметно большее число – 43–49 %. Другой вариант защиты – сказать, что репрессии были связаны лишь с «чистками» в партии и касались либо в основном политических «верхов», либо «действительных врагов народа», также был принят относительно небольшим числом опрошенных (18 и 9 % соответственно в 2007 г.; 14 и 10 % в 2011 г.).

Таблица 8
Кого, как Вы считаете, следует относить к жертвам сталинских репрессий?
(N = 1600, апрель 2011 г.)

Всех осужденных по политическим статьям	71
в том числе: только расстрелянных по этим статьям	9
осужденных за то, что попали в плен во время войны	45
членов семей осужденных по политическим статьям, высланных с постоянного места жительства, уволенных с работы или ограниченных	42
Раскулаченных	38
осужденных с нарушениями обычной судебной процедуры («тройками» или в ускоренном судебном порядке)	36
спецпереселенцев (включая репрессированные народы)	29
осужденных за нарушения трудовой дисциплины (опоздание на работу более 20 минут и т. п.)	25
членов семей осужденных по политическим статьям, не пораженных в правах	10
Затрудняюсь ответить	11

Для общественного мнения гораздо важнее в функциональном плане тезис о том, что репрессии охватывали *все категории населения* и социальные группы. (Иначе невозможно удержать тезис об иррациональности террора.) Поэтому на вопрос (апрель 2011 г.): «Кто, на Ваш взгляд, подвергался репрессиям в 1937–1938 гг.?» – лишь 11 % заявили: «Те, кто был явно или скрыто настроен против советской власти», еще 8 % – «наиболее преданные сторонники советской власти», 23 % дали ответ «наиболее способные и авторитетные люди»,

но относительное большинство – 48 % опрошенных сказали: «Все без разбора, по произволу властей или доносам». Иначе говоря, преступления советской власти совершались, по мнению большей части населения, именно против всего народа, а не какой-то отдельной группы, жертва – народ в целом. Массовое сознание не склонно относить к пострадавшим от репрессий только тех, кто попал в эту мясорубку лишь в годы Большого террора, люди в массе своей понимают репрессии гораздо шире, включая сюда и военнопленных, и раскулаченных, и спецпереселенцев, и членов семей репрессированных.

Проблема преодоления сталинского мифа заключается не в том, что люди не знают о преступлениях Сталина, а в том, что они не могут считать преступной саму советскую систему (равно как и не видят альтернативы путинскому авторитаризму). Его героизация – это способ отделить себя от травмы прошлого, с одной стороны, с другой – это воспроизведение тех же отношений господства – подчинения, которые существовали и ранее. Мифологизация Сталина – это уход от осмысления и рационализации истории. Апология власти как держателя представлений о национальных ценностях, символах и значениях целостности возможна лишь при одновременной дисквалификации и обесценивании всего частного и индивидуального. Поэтому «освобождение» от чувства вины (стыда) за прошлое оборачивается расширением зоны аморализма и цинизма, с одной стороны, и принятием авторитарного режима – с другой (точнее отсутствием организованного и публичного сопротивления). В российском обществе сегодня нет признаваемых всеми моральных и интеллектуальных авторитетов, способных поставить ей такой диагноз. Население само по себе не в состоянии осмыслить прошлое страны (77 % респондентов настаивают, что мы никогда не узнаем всей правды о сталинском времени, но не намного меньшее число россиян полагает, что и искать ее не стоит, поскольку объективной истины в истории не может быть). Поэтому единственной реакцией на фрустрацию знания о сталинских репрессиях оказывается общественная прострация и желание обо всем этом «забыть». Собственно, именно этот результат и был целью путинской технологии господства.

И. Л. Щербакова

ПАМЯТЬ О СТАЛИНИЗМЕ В КУЛЬТУРЕ 1950–1970-х гг.

«Карта памяти»

Я бы хотела начать свой доклад с небольшого символа. В центре Берлина стоят дорожные указатели, они неприметные и ничем не отличаются от обычных, только направление на них указано не географическое: на Освенцим, Трешлинку, Майданек и другие нацистские концлагеря. Для чего были поставлены именно дорожные указатели, а не мемориальные доски или стелы? Дело в том, что дорожный указатель служит вектором, определяющим направление. И точно так же важнейшая функция того, что называется исторической памятью, – это служить таким указателем или формировать некую «карту». Но что и как наносится на эту карту, какую территорию она размечает, и для чего нужна?

Мы хорошо знаем, что даже наша обычная, биологическая, память – это не видеоархив и не съемка камер наблюдения, она не фиксирует все подряд, а отбирает лишь то, что считает важным, и так организует наш опыт, обрабатывает сырой материал непосредственного восприятия, помогает устанавливать причинно-следственные связи и давать оценки.

Историческая память, память целого народа, устроена похожим образом, она тоже обрабатывает сырой материал опыта и позволяет каждому человеку встроить его личную «маленькую» память в общую систему, помогает ему осмыслить свой индивидуальный опыт. Отсутствие такой возможности приводит не только к «молчанию» памяти или к ее обрывочности, фрагментарности, но и, по сути, к стиранию. Поэтому историческую память и можно сравнить с картой: с указателями, масштабом и т. д.

В романе Джорджа Оруэлла «1984» главный герой Уинстон Смит, пытаясь узнать хоть что-то о прошлом своей страны, которое он сам же в министерстве правды систематически уничтожает, спрашивает нищего старика о том, какая была раньше жизнь? Лучше, чем в наши дни, или хуже? Но тот явно не понимает вопроса и не может дать

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.